

43. *L. Brehier*. Le monde byzantin. — Paris, 1949. — Vol. 2: Les institutions de l'Empire byzantin.
44. *Пигулевская Н. В.* Месопотамия на рубеже V–VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилиста как исторический источник. — М.; Л., 1940.
45. *Чекалова А. А.* Комментарии//Прокопий Кесарийский. Война с персами/Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история/Пер. А. А. Чекалова. — СПб., 2001.
46. *Kaplan M.* Les Homes et la terre a Byzance du VIe au XIe siecle. — Paris, 1992.
47. *Sperber D.* Roman Palestine 200–400. — Ramat-Gan, 1978.
48. *Rostowzeff M.* Studien zur Geschilte des römischen Kolonates. — Jena, 1910.
49. *Иешу Стилист*. Хроника//Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. — СПб., 2000.
50. *Панченко Б. О.* О тайной истории Прокопия//ВВ. — 1898. — Т. 3.
51. *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. — Paris–Bruxelles–Amsterdam. — Vol. II. — 1949.
52. *История Византии*. — М., 1967. — Т. 1.
53. *Codex Theodosianus*. — Berlin, 1905. — Bd. 1–2.
54. *Corpus Juris Civilis*. — Berolini, 1895. — Vol. 2: Codex Justinianus /Rec. P. Krueger.
55. *Rouillard G.* L'administration civile de l' Egipte byzantine. — Paris, 1928.
56. *Сюзюмов М. Я.* О трактате Юлиана Асколонита//АДСВ. — Свердловск, 1977. — Вып. 14.
57. *Законы химьяритов*//Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. — СПб., 2000.

Резюме

У статті «Податкова політика імператора Юстиніана I» розглядаються особливості системи прямого оподатковування в часи правління одного із найвидатніших політичних діячів в історії Візантії — імператора Юстиніана I.

Незважаючи на загальноприйняту серед істориків думку про те, що Юстиніан I посилив тягар оподатковування за рахунок збільшення ставок звичайних податків і запровадження нових, широке коло джерел свідчить про те, що всі «нововведення», які приписують цьому правителю, існували задовго до його правління.

Реформа прямого оподатковування за Юстиніана зводилася до розширення соціальної бази платників податків за рахунок скасування практики надання податкових пільг і прагнення до уніфікації всієї податкової системи.

Summary

In the article «Tax policy of the emperor Justinian I» is considered the peculiarities of the direct taxation system during the reign of the one of the

most remarkable political figures in a history of Byzantium — emperor Justinian I.

Despite of the opinion, standard among the historians, that Justinian I has strengthened burden of the taxation at the expense of increase of the rates of the usual taxes and introduction the new ones, — the wide circle of sources testifies that all «innovations» attributed this Emperor, existed long before his reign.

The reform of the direct taxation during Justinian I consists in expansion of social base of the tax bearers at the expense of abolition of practice of granting of tax privileges and aspiration to unification of all tax system.

С. Б. Сорочан

В ПОИСКАХ ГРАНИ TERMINUS ANTE QUAE РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА

Преодоление оторванности Херсона от сельской периферии, ясно обозначившееся с конца IX столетия, вновь ставит вопросы о функционировании фемы и о периодизации истории этого византийского города. Где та грань, что лежала за порогом уходящего тысячелетия и за которой таяло во тьме веков раннее средневековье? Какие события могли бы обозначить этот важный рубеж? Ведь материальная культура херсонитов оставалась неизменной и, как и социальные отношения, ментальные установки, не претерпела видимых, заметных перемен. Будни и праздники текли, как и встарь. Прихожане ходили в те же храмы, а руки привычно делали знакомые хозяйственные и домашние дела. На мой взгляд, единственное, но существенное изменение можно заметить, пожалуй, только в геополитической плоскости, в расстановке влиятельных фигур в большой игре под названием «история», к середине X в. кардинально и надолго определивших новую иерархию сил в Таврике.

Анонимный еврейский автор Кембриджского документа (т. н. документа Шехтера) отмечал серьезное осложнение отношений империи ромеев с Хазарским каганатом, скорее всего, в конце IX–начале X вв., когда «во дни царя Вениамина поднялись все народы на [хазар] и стеснили их [по совету] царя македонского. И пришли воевать царь Азии и [турок]... и Пайнила и Македона» [1, р. 128, 133–134; *ср.*: 2, с. 11–12, 25; 3, с. 116]. Из того же источника следует, что отчаянное положение спасли аланы, «так как часть их (тоже) соблюдала иудейский закон»: «аланский царь» разгромил всех воевавших против страны хазар, что не помешало ему же «во дни [царя] Аарона», из-за подстрекательства византийского императора, начать воевать с хазарами. Судя по всему, эти события должны были предшествовать царствованию Иосифа, сына Арона, и приходу к власти «злодея Романа», то есть кесаря, а затем и императора Романа Лакапина

в 919–920 гг., долгое, по сути дела единовластное, правление которого, продолжавшееся до 945 г., нередко ассоциировалось в представлении восточных авторов с началом правления юного Константина VII (908–959) и императрицы — регентши Зои Карвонопсины (914–919). Известно также, что хазары сражались вместе с византийскими войсками во время войны с болгарским царем Симеоном (893–927), но ставка Константинополя на христианскую Аланию — соперницу соседней Хазарии — показывает, что у империи не было больше надежд в отношении своего давнего союзника против арабов и кочевников северных степей [4, гл. 10. 5–8, 11, с. 52–53, 288, комм. 3]. К середине X в. — времени создания трактата «Об управлении империей» — хазары уже не могли эксплуатировать крымские климаты, как иногда считают некоторые историки и археологи, видя в этой территории своеобразный реликт Хазарского каганата [5, с. 22; 6, с. 15; 7, с. 40–49]. «Все средства к жизни», «богатства» или, другими словами, «готовность дать все» (*e pasa zoe kai aphthonia*) для Хазарии поступали отнюдь не с крымских, а с иных «девяяти климатов» (*ta ennea klimata tes Chazarias*), находившихся, скорее всего, в районе Прикубанья и Северного Кавказа — основной зоны соперничества аланов и хазар [4, гл. 10. 8, с. 52–53; с. 333, комм. 3]. Во всяком случае, Ахмед Ибн-Фадлан, описывая свое посольское путешествие из Багдада к булгарам на Волгу в начале 920-х гг., вполне определенно отметил, что «преимущественная пища их (хазар) есть рис и рыба, остальное у них находящееся привозится к ним из Руса, Булгарии и Кубы», то есть из Северной и Южной Руси и Поволжья, но не из Таврики [8, с. 92].

Обращает внимание, что Мухаммед ал-Фаргани (ум. ок. 830 г.) в сочинении «О движениях небесных и полные сведения о звездах», как и некоторые другие его современники, восточные писатели, называет Черное море «морем Рума» (Византии), в отличие от позднейших авторов, которые стали называть его «Хазарским морем» [8, с. 25, 27]. Значит, все еще сохранявшийся в первой трети IX в. кондоминатный статус Крыма позволял смотреть на северные берега Черного моря как на области византийские, а не хазарские. В этой связи показательно, что уже Муслима ибн-аби-Муслима (ал-Харрами), писавший в 40-х годах IX в., после создания фемы в Таврике и прекращения действия кондоминиума, назвал Черное море Хазарским [8, с. 32]. Ал-Масуди, писавший в 20–40-е годы X в., называл Хазарским морем Каспийское, тогда как Азовское и Черное море именовались у него Маютас и Найтас (оно же — Русское море) [8, с. 128, отрывок 7; *ср.*: с. 130, отрывок 11]. Может быть, изменения наименований гидронимов отразили и изменения, происходившие в политической плоскости?

Если дело действительно обстояло таким образом, тогда Константин Багрянородный в последней, оставшейся незаконченной главе своего сочинения «О фемах» отразил не только архаические сведения, почерпнутые из более ранних источников, но и завуалированно представил ситуа-

цию, сложившуюся ко второй четверти X в., когда достигший своей исторической кульминации Хазарский каганат все еще пытался восстановить контроль хотя бы над частью земель византийской Таврики и вмешиваться в их дела [9, с. 61–62]. Очевидно, в это время хазарский царь Иосиф, сменивший накануне своего отца, царя Аарона, в ответ на гонения на иудеев в «дни злодея Романа» «растоптал множество необрезанных», что, скорее всего, произошло в крымских владениях империи, поскольку оттесненные печенегами, венграми, аланами к востоку военные силы каганата могли совершать нападения только из Приазовья [2, с. 12]. Тогда же знатный хазарский правитель — бул-ш-ци, «досточтимый Песах», возможно, царских кровей, наместник Самкерца (Гермонассы — Таматархи), как сообщает все тот же анонимный автор Кембриджского документа, «...пошел на [город] Шуршун (Херсон)... и воевал против него», хотя и не взял, в отличие от других трех, оставшихся не названными «городов Романа» (византийских городов) и «большого множества пригородов» [2, с. 13–14; 3, с. 118–120; 1, р. 117; 10, с. 141]. В. Е. Науменко высказал предположение, что среди захваченных городов, где Песах в гневе «избил и мужчин и женщин», оказался византийский Боспор [11, с. 354], однако эта в принципе удачная гипотеза, позволявшая бы избавиться от малоуспешных поисков следов прочих врагов города (венгров, печенегов), не увязывается с хронологией его слоев, где стыки периодов, ближайших ко времени хазарского рейда, прослеживаются не позже конца IX в. и не заходят в следующее столетие. Как бы то ни было, Аноним указал, что бул-ш-ци «заставил их (очевидно, объекты его нападения) платить дань» [2, с. 14], хотя, скорее всего, это была единовременная контрибуция с побежденных. Видеть в этих «городах Романа» не византийские владения в Таврике, а «сильно византинизированные праболгарские салтово-маяцкие города и поселения полуострова» нет оснований, потому что автор Кембриджского документа недвусмысленно отнес их принадлежность именно Романии [*ср.*: 12, с. 168].

Исходные, шокирующие на первый взгляд фразы трактата императора ромеев о том, что Херсон «...никогда не состоял в числе фем или на степени митрополии», то есть главного города провинции, относились, скорее всего, к давним временам, предшествующим по крайней мере началу I в. н. э., когда город окончательно еще не вошел в сферу римского влияния и действительно находился под верховной властью «владельцев Боспора» — боспорских царей [*ср.*: 13, с. 192–202; 14, с. 13 сл.; 15, с. 12 сл.]. В данном случае Константин VII почти буквально повторил фразы Страбона о том, что Херсонес со времени Митридата «...подчинен властителям Боспора» [16, VII. 4. 3; 5, 7] и добавил слова греческого историка Флегонта из Тралл о том, как в 123–132 гг. «...над Боспором царствовал Котий, царь Боспорский, которому кесарь приказал носить диадему и подчинил ему города, в числе которых упоминается и Херсон» [9, с. 62; 14, с. 24, 15, с. 37]. Едва ли под этими «обладателями» под-

разумевались хазары, как думал А. И. Баранов, поскольку в таком случае василевс ромейской державы в ущерб не только исторической правде, но и нерушимым имперским амбициям публично объявлял всю территорию климатов и даже сам Херсон целиком хазарскими владениями, заявляя, что «владельцы Боспора» правили (*ekraton*) ими [*ср.*: 17, с. 197–198]. Если в отношении крымских областей — климатов (по крайней мере, их части) это могло иметь место, то раннесредневековая митрополия — «столица» области никогда не была в составе домена хагана и не платила ему дани. Такое признание было бы тем более невероятным, если учесть, что оно вышло из под пера царственного автора, который в соответствии с ромейской миродержавной доктриной даже на утерянные империей территории продолжал смотреть как на ее собственные.

Безусловно одно: ко времени написания трактата, то есть после 934 г. и до 944 г., Херсон вновь именовался фемой, причем двадцать девятой в общем списке и двенадцатой по счету среди европейских военно-административных областей. Если учесть, что в Тактиконе Бенешевича, составленном в 933–944 гг., в списке стратигов фем Херсон фигурировал на 30 месте [18, р. 247], то уже ко времени самостоятельного правления Константина VII (945–959), еще до разгрома Хазарии и печенегов князем Святославом в 965 г. и 970 г., произошли серьезные изменения в Крыму в пользу империи, а значение города возросло. В качестве условного *terminus ante quae*m для этих событий может быть указан 944 г., так как в первой клаузуле договора, заключенного в этом году, «князи Рустии» признавали византийскими все («елико же есть») города Корсунской страны, то есть не один Херсон, но, очевидно, известные «кастра климатов», снова собранные воедино под властью василевса ромеев [19, стлб. 50–51; *ср.*: 20, р. 11–12; 21, р. 144 sq.]. Примечательно, что, определяя византийскими в «Корсунской стране» все, сколько есть, города «на той части» (последнее слово является калькой с греческого *to meros*), составители договора явно подразумевали под этим выражением границы херсонской области — фемы, которая, следовательно, охватывала значительный регион, выходивший за пределы собственно Херсона. Константин Багрянородный использовал слово *meros*, когда речь заходила о военно-административной области Херсона, то есть о его феме или стратигии [7, гл. 1. 25–25, с. 36–37; гл. 6. 2–3, с. 40–41]. Вероятно, «Корсунская страна» соответствовала понятию «Херсон и прочие климаты» (*ten Chersona kai ta loipa klimata*) или «земля Херсона и климатов» (*ten Chersonos gen kai ton klimaton*) [*ср.*: 7, гл. 37, 38–39, с. 156–157; гл. 42. 81–82, с. 174–175]. Впрочем, сюда мог относиться и византийский Боспор, поскольку в названии 42 главы трактата о них едва ли случайно сказано вместе (*kai Chersonos omou kai Bosprou en ois ta kastro ton klimaton eisin*).

Ромеи, обращаясь к русам, подчеркивали в тексте договора, что «та страна да не покоряется вам» и, значит, верховная власть над ней, ее «волости», принадлежали императору Константинополя. Уже одно это

обстоятельство не позволяет говорить о византийской «политике невмешательства» в крымские дела вплоть до последней трети X в., как утверждает К. Цукерман [22, с. 678–679]. Примечательно, что как раз в конце IX–X вв. в Таврике силами местных общинников — стратиотов строится около 30 новых укрепленных поселений — убежищ с загонами для скота, сторожевых пунктов и превращенных в крепости монастырей [23, с. 104]. Находка в 2000 г. на территории Мангупа во время раскопок некрополя так называемого «Храма Богородицы» моливдула с остатками изображения процветшего креста показывает, что в X в. византийская администрация имела с этой крепостью тесные контакты, очевидно, по причине включения ее в состав фемы Херсон — «Корсунской страны» [24, с. 91]. Таким образом, нет оснований отрицать присутствие Империи в Юго-Западном Крыму за пределами Херсона в первой половине X в. Оно здесь уже было задолго до появления в Гютфии спафария и турмарха Льва, печать которого, обнаруженная в херсонесском архиве моливдовулов, относится к концу X — началу XI вв. [25, р. 271–275].

Херсон не стал военно-административной областью Византии только со времени правления Константина VII, поскольку в этом случае автор трактата не преминул бы отметить это особо, как делал тогда, когда описывал создание новых фем «в дни славного и мудрейшего императора Льва» (Месопотамия — после 899 г.; Ликанд — 914 г. — «...только недавно, чуть не вчера») и при Роме I (Селевкия — после 934 г.) [9, с. 34–35, 37, 39]. Столь же маловероятно включение его в состав северомалоазийских фем Вукеллариев или Армениака. Ал-Масуди, на которого ссылается И. А. Баранов, делавший такое заключение, не называл крайними пределами этих греческих провинций северные берега Черного моря с Таврикой, а отмечал, что на краю этих областей находится «море Маитис (Маютас, Меотис — Азовское море)», «...которое многие из людей называют Хазарским морем» [26, с. 37, 38; *ср.*: 27, с. 143]. Следовательно, «крайним пунктом», по выражению ал-Масуди, для обеих фем было само море. Кроме того, арабский ученый явно не располагал полными сведениями относительно территориально-административного устройства империи ромеев. Повествуя о 14 основных «вандах» греков, их размерах и расположении, ал-Масуди описал девять восточных (Анатолик, Опсик, Фракесион, Памфилия–Кивирреоты, Каппадокия, Вукелларий, Оптиматон, Армениак, Пафлагония) и пять западных фем (Тафра, Фракия, Македония, Пелопоннес, Фессалоника) [26, с. 36–38]. Нетрудно заметить, что в этом перечне не хватает названий по меньшей мере 18 фем, несомненно существовавших в первой половине X в. [18, р. 47–49, 103–105; 28, р. 233–246; 9, с. 19–63]. Разумеется, умолчание такого источника не может быть принято за безусловное доказательство отсутствия самостоятельной фемы с центром в Херсоне.

Ко второй половине 50-х годов X в., когда была составлена «про странная редакция» письма хазарского царя Иосифа, главы иудейской общины Итиля, к раввину Хасдаи Ибн Шафруту, сановнику Абд-ур-Рахмана III, омейядского правителя Кордовы, границы хазарских и византийских владений или, лучше сказать, сфер влияний в Таврике обозначались достаточно ясно. При этом надо учесть, что сведения автора письма могли приукрашивать истинное положение вещей и отражать историческую ситуацию не середины X в., а в лучшем случае конца IX — начала X в. [29, с. 7; *ср.*: 30, с. 386–387; 31, с. 187; 32, с. 64]. К земле Хазарского царства некогда относились «местности»: в Восточном Крыму — Керц (Боспор); в Юго-Западном Крыму — Алма и Манкуп (Мангуп); на южном берегу Крыма — Сугдаи (Сугдея), Алус (Алустон), Ламбат, Бартнит (Партенит), Алубика (Алупка), а также некие Кут (Скути, Искут, Кутлак?), Будак (Бурк, Булганак?) и Грузин (Горзувиты, Гурзуф?), локализации которых остается проблематичной [33, с. 160; 3, с. 98–102]. Примечательно, что, описывая хазарские владения и протяженность хазарского государства, Иосиф, дойдя до западных пределов, исходящих от Шаркела (Саркела) и Самкерца (Таматархи?), опустил собственное обязательное уточнение о том, что все эти местности и народы «платят мне дань», но вновь «вспомнил» об этом после, когда перешел к заключительному описанию северной границы. Нет сомнений, что такая забывчивость была связана с преднамеренным стремлением, не очень греша против правды, все же не раскрывать своему адресату в Кордове некоторые обстоятельства, как казалось царю, умалявшие величие государства хазар. В любом случае большая часть Юго-Западной Таврики, как и в период создания фемы Климатов, вновь принадлежала византийцам [3, с. 80 сл.; 34, с. 107]. Часть остальных крымских земель, прежде всего степных, контролировалась «пачинакитами» («пачинаками»): работая в 948–952 гг. над сочинением «Об управлении империей», василевс писал, что Печенегия «...к Херсону весьма приближена, а с Боспором соседняя» (*kai eis Chersona men estin egnista, eis de ten Bosporon plesiesteron*), тогда как даже от ближайшей к ней Болгарии она отстояла на полдня пути (*odon emeras to emisu*), то есть на пару десятков километров [4, с. 156, гл. 37. 49; *ср.*: с. 172, гл. 42. 62–63]. Выходит, к середине X в. не Хазарский каганат, как полагают некоторые исследователи, а пачинакиты контролировали «практически всю Таврику» с севера вплоть до ближайших окрестностей Херсона и Боспора, куда они «проходили двумя путями» (*duo odoi...dierchontai*) через Перекопский перешеек [4, с. 174, гл. 42. 77–85; *ср.*: 35, с. 152; 6, с. 11; 12, с. 168]. К контролю над самими городами они были безучастны, так что уровень их интересов на полуострове вполне вписывался в схему «мирного сосуществования» [22, с. 678]. В свою очередь Византия была вынуждена приспосабливаться к этому состоянию, вновь очень напоминающему статус кондомината, когда имперские центры в областях — климатах, такие как кастрон на плато

Мангуп или южнобережные эмпории, выглядели «ромейскими островками» в море окружающих «инородцев». Здесь наблюдалась «чересполосица» владений, свойственная «контактным зонам» империи [*ср.*: 36, с. 163, гл. 6; 37, с. 45 сл.; 38, с. 42–61], но в этом «слоеном пироге» из народов, племен, зависимых и полунезависимых территорий доля Византии едва ли уступала столетней давности начальным годам расцвета фемного строя на крымской земле.

Бросается в глаза еще один факт. Ромейские послы Константина VII, побывавшие в Кордове во второй половине 40–начале 50-х гг., на вопрос Хасдаи Ибн Шапрута, где находится Хазария, отвечали, что «...между Кустантинией и этой страной 15 дней пути морем» [39, с. 103, 132], очевидно, подразумевая плаванье не только через Черное, но и Азовское моря. Значит, греки видели в Таврике, лежавшей значительно ближе к ромейским берегам, в трех-четыре днях морского пути, отнюдь не хазарские земли.

Судя по трактату «Об управлении империей», Константин Багрянородный в порядке своего описания поместил хазар после печенегов, и, значит, ромеи боялись их меньше прочих народов, которые могли угрожать империи с севера [40, с. 14]. Тем не менее, он счел необходимым предупредить наследника, что им нельзя доверять всецело, как и прочим союзникам (печенегам, аварам, сербам, хорватам, грузинским и армянским владетелям), и даже уделил особую главу политическим «мерам сдерживания» хазар на тот случай, если бы они, «не желая соблюдать дружбу и мир в отношении василевса», напали на Херсон и климаты (*epitithesthai te Chersoni kai tois klimasin*) [4, гл. 11. 1–13, с. 52–53]. Однако, скорее всего, сведения о таких походах покоились на старых воспоминаниях, и отношения двух государств вновь стали сравнительно мирными. Отзвук старой дружбы и влияния хазар чувствуется в сообщении Константина Багрянородного о том, что если для буллы, прилагаемой к письмам для папы римского, короля франков и князя Рустии, достаточно была золотая печать в два солида, то к «благороднейшему и славнейшему Хагану Хазарии» для той же цели требовалась булла в три солида (*eis tin chaganon chazarias boulla chryse trisoldia*) [41, р. 960]. Византийские послы, продолжая свой рассказ Ибн Шапруту, посчитали необходимым заметить, что «многие суда приходят из этой страны к нам (ромеям) и привозят рыбу, кожи и все роды товара; они (хазары) союзники наши и приятели, мы их почитаем, и между нами и ими постоянные сношения через послов и обмен дарами» [39, с. 104–105]. Из Хазарии, через ее западные рубежи по направлению к Саркелу, самому значительному торгово-перевалочному центру на Дону, и дальше, к крымским областям — климатам и Херсону, туда и обратно, по давнему сухопутному пути проходили без охраны путешествующие, причем, явно не ромеи, поскольку правитель соседней Алании, находившийся в союзных отношениях с василевсом,

имел возможность вредить им, налагая, очевидно, грабительские поборы (aphylaktos autois epitithemenos en to dierchesthai pros te to Sarkel kai ta klimata kai ten Chersona) [4, гл. 11. 6–8, с. 52–53]. Это «удержание» (tou kolyein) хазар враждебно настроенными по отношению к ним аланами, боровшимися за гегемонию на Северном Кавказе и Предкавказье, вместе с ромейской политикой задабривания печенегов объясняют причину того «длительного и глубокого мира» (megalea kai batheias eirenes), который охватил и Херсон, и климаты к середине X в. [4, гл. 11. 8–10, с. 52–53]. Видимо, подданным Константина VII в Таврике уже нечего было делить с хазарами. Им приходилось теперь опасаться не столько своих бывших партнеров по крымскому кондоминату, сколько тех народов, — аланов, печенегов, узов, «черных булгар», расположившихся между хазарами и греками, что, по словам василевса, «воюют между собой» [4, с. 107].

Впрочем, как уже было сказано, это не только не мешало империи крепить свои позиции в Крыму, но отчасти даже способствовало подобному процессу. Свою лепту внес также разгром князем Святославом одного из самых грозных и независимых (autonomoi) из этих «воюющих народов» — печенегов в 970 г. [см.: 22, с. 679; ср.: 4, гл. 6. 11–12, с. 40–41]. На следующий год в договоре с византийцами Святослав, как и его отец, князь Игорь, вновь соглашался не покушаться «...на власть Корсунскую и елико есть городов их» [42, с. 76]. Не случайно, именно в это время, к концу X в., судя по данным сфрагистики, в Крымской Готии (Готфии) находилось фемное подразделение во главе с турмархом — комендантом той части военно-административного округа, на территории которого размещалась его турма [25, р. 271–275]. В Эскуриальском Тактиконе 971–975 гг. стратиг Херсона переместился уже на девятое место, продолжая лидировать перед другой, очевидно, тоже созданной к концу X в. крымской фемой Боспор и точно не локализованной фемой Понта Эвксинского [18, р. 266–267, 268, 269, 363]. Увязывать последнюю с Сугдеей, как делают некоторые исследователи на основании находок трех печатей второй половины X в., принадлежавших Георгию, стратигу Сугдеи, нет достаточных оснований [35, с. 154; 6, с. 14–15], ибо не менее убедительным выглядит мнение Н. Икономидеса считать главным постом стратигии Понта Эвксинского Боспор Фракийский или Стенон («Узкий»), под которым византийцы понимали пролив, соединявший Черное море с Мраморным (Пропонтидой) [18, р. 359; 43, с. 58, рис. 2]. Тем не менее, Сугдея тоже получила своего стратига и шла в военно-административном «фарватере» двух других крупнейших византийских форпостов Таврики.

Итак, случившийся до 940-х гг. коренной перелом в положении Византии в Крыму наконец принял необратимый характер в смысле главенства империи в этом важном регионе. Это же время можно считать для Херсона последним рубежом ушедшего раннего средневековья с его «ясными» и «темными» веками.

Литература

1. Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. — Itaca; London, 1982.
2. Коковцов П. К. Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях. — СПб., 1913 (отд. отт. из ЖМНП).
3. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. — Л., 1932.
4. Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, пер., коммент. — М., 1989.
5. Герцен А. Г. К вопросу о территории Херсонской фемы // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1833–1988. — Севастополь, 1988.
6. Майко В. В. Етнокультурні зв'язки Криму з Подніпров'ям і Північним Кавказом в VII–X ст.: Автореф. дис. ... канд. іст. наук / Інститут археології НАНУ. — К., 1998.
7. Майко В. В. Хазари у Криму в другій половині X ст. // Археологія. — 1999. — № 2.
8. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.) собрал, пер. и объяснил А. Я. Гаркави. — СПб., 1870.
9. Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах»: Пер. Г. Ласкина. — М., 1899.
10. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. — М.; Иерусалим, 1997.
11. Науменко В. Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 2001. — Вып. 2.
12. Майко В. В. Плитовые погребения салтово-маяцкого могильника Таврики Кордон-Оба (К вопросу о христианизации тюрко-болгар Крыма) // Проблемы религии стран черноморско-средиземноморского региона. Сб. науч. тр. — Севастополь; Краков, 2001.
13. Кадеев В. И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э. — III в. н. э. // Кадеев В. И. История и археология Причерноморья. Статьи разных лет. — Харьков, 2000.
14. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Харьков, 1981.
15. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. — К., 1994.
16. Страбон. География: Пер. Г. А. Стратановского. — М., 1964.
17. Записка греческого топарха // Труды В. Г. Васильевского. — СПб., 1909. — Т. 2. — Вып. 1.
18. Oionomides N. Les listes de preaseance byzantines des IXe et Xe siecles. — Paris, 1972.
19. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. — Вып. 1. — Повесть временных лет. — Л., 1926.

20. *Mikucki S.* Etudes sur la diplomatie russe la plus ancienne, les traites byzantino-russes du X siecle//Bulletin international de l'Academie politique des sciences et des lettres. — 1953. — Suppl. 7.
21. *Wosniak F.* The Nature of Byzantine Foreign Policy Towards Kievan Russia in the First Half of the 10th Century. — London, 1973.
22. *Цукерман К.* Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г.//МАИЭТ. — 1998. — Вып. 6.
23. *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. — К., 1991.
24. *Герцен А. Г., Алексеенко Н. А.* Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале//Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международ. науч. конф. — Харьков, 2001.
25. *Alekseenko N. A.* Un tourmarque de Gothie sur un sceau inedit de Cherson //REB. — 1996. — Vol. 54.
26. *Васильев А. А.* Византия и арабы. Ч. 1: Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. — Ч. 2: Приложения. — СПб., 1902.
27. *Баранов И. А.* Административное устройство раннесредневекового Херсона//МАИЭТ. — 1993. — Вып. 3.
28. *Yannopoulos P. A.* Une Liste des themes dans le «Livres des Ceremonies» de Constantin Porphyrogenete//BYZANTINA. — Thessaloniki, 1983. — Т. 12.
29. *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М., 1990.
30. *Артамонов М. И.* История хазар. — Л., 1962.
31. *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа. — Л., 1979.
32. *Герцен А. Г.* Византийско-хазарское пограничье в Таврике//История и археология Юго-Западного Крыма. — Симферополь, 1993.
33. *Гаркави А.* Сообщения о хазарах. А. Хазарские письма (По рукописям Имп. Публичной библиотеки)//Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник/Изд. А. Е. Ландау. — СПб., 1879. — Т. 7.
34. *Науменко В. Е.* Учреждение и развитие византийской фемы в Таврике (по данным археологических и письменных источников)//Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. Тезисы докл. — Харьков, 1995.
35. *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. — К., 1990.
36. *Иоанн Камениата.* Взятие Фессалоники: Пред., коммент. Р. А. Наследовой, пер. С. В. Поляковой, И. В. Феленковской//Две византийские хроники X века. — М., 1959.
37. *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. — М., 1994.
38. *Арутюнова-Фиданян В. А.* К вопросу об основных характеристиках контактной зоны//Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. — М., 1995.

39. *Письмо Хасдаи Ибн Шафрута к хазарскому царю Иосифу*//Гаркави А. Я. Сведения еврейских писателей о хазарах и Хазарском царстве. — СПб., 1874.
40. *Лутаврин Г. Г.* Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв.//Византия между Западом и Востоком. — СПб., 1999.
41. *Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latine, e rec. Io. Iac. Reiskii.* — Bonnae, 1829. — Vol. 1.
42. *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках по Р. Хр. — М., 1908.
43. *Шандровская В. С.* Печати с топонимическими указаниями//Византия и византийские традиции. — СПб., 1996.

Резюме

У статті ставиться питання про пошуки хронологічної межі, яку можна вважати завершальною для історії ранньосередньовічного Херсона. Без сумніву, її варто шукати не стільки в досить стійкій, консервативній господарській і соціально-економічній сфері, слабко підданій змінам, скільки в геополітичних зрушеннях на півострові, що відбувалися в 20–40-і роки X ст. На думку автора, саме в цей час Візантія зуміла зайняти лідируючу позицію в Криму, надовго усталила тут свої позиції і домоглася врегулювання відносин з печенігами, хазарами і русами.

Summary

In the article the question on searches of a chronological boundary is put which is possible to consider finishing for a history early middle Cherson. Obviously it is necessary to search for it not so much in rather stable, conservative economic and socio-economic sphere poorly subject changes, how many in geopolitical shifts on a peninsula, which was going in 920–940-s years. In opinion of the author, at this particular time Byzantium has managed to take a leading item in Crimea, for a long time has strengthened here items and has achieved settlement of the relations with pechenegs, chazars and ruses.

С. А. Кариков

ШКОЛЫ ГЕРМАНИИ В ЭПОХУ РЕФОРМАЦИИ

Среди стран Западной Европы Германия занимает одно из ведущих мест по развитию школ и университетов. Это положение было достигнуто в течение долгого времени. С конца XVIII века в германских государствах начало вводиться обязательное бесплатное обучение, в XIX веке создается система государственного женского среднего образования, возникает